

Юрий Дмитриевич Нечипоренко — русский прозаик, арт-критик, ученый, культуролог, доктор физико-математических наук, главный редактор интернет-обозрения «Русская жизнь» и подросткового журнала «Электронные пампасы».

У Оки рассыпчатый песок. Здесь гулял Иван Алексеевич Бунин... Вместе с Ликой, героиней своего романа «Жизнь Арсеньева», с которой он познакомился в Орле. Вернее, с той прекрасной дамой своей юности, которую звали Варварой Пащенко, с которой он пережил самую страшную, самую глубокую страсть свою и которую потом он описал под именем Лики. Варвара — что-то есть в этом имени дикое, словно варварское... Такая же была и любовь бунинская — страшная, захватывающая целиком, не оставляющая свободы выбора — воля Ивана словно переселилась в Варвару, Варвара стала источником радости и страдания, совсем потерял голову наш Иван...

А как хорошо все начиналось — первые публикации стихов в журнале «Родина», первая слава поэта, признанного в столице, работа в губернском вестнике, в Орле, дружеский круг сотрудников редакции — и вдруг Варвара.

Варвара, Варя по-домашнему, вошла в жизнь Ивана, когда ему было всего восемнадцать лет. Она была чуть старше, примерно на год, носила модное тогда «русское» платье, имела опыт самодеятельной сцены, играла на фортепьяно и пела, пела чудесно... Она закончила ту же гимназию, из которой он ушел после четвертого класса. Иван не был уже мальчишкой, и жизнь его состояла

из резких поступков: бросить гимназию, заняться самообразованием, выучиться английскому языку — все это он решил сам. Да, мальчик из обедневшей дворянской семьи был свободен в своих поступках, в выборе своего пути чуть ли не с десяти лет. И отец, страстный охотник, широкой души человек, поднявший пятерых детей и промотавший три состояния, ему не противился. И мать, страстно любившая своего младшенького Ванечку, ему одному завещавшая икону, которую он берег до конца дней, даже не думала перечить любимцу. Все сам... И путешествия в сотни верст пешком и на перекладных, и пешие переходы в одиночку, с одним револьвером в сумке, почти без денег, и ночевки под звездным небом в донецких степях, и сплав с лесом и казаками по Днепру — это уже было в его жизни. Было так много: сотни степных охот, работа с мужиками наравне на косьбе, пахучие травы, речные водовороты, днепровские пороги — наш Ваня закален солнцем и водой, полон жизненных сил. И поэзии! Вот как описывает он свои путешествия:

За Путивлем, за древним Путивлем, где когда-то плакала Ярославна, плакала ранними зорями на «забрале» об Игоре, — я покинул поезд и решил идти несколько дней пешком. Вещи мои были сданы в багаж, револьвер — со мною, и мне ничто не мешало привести в исполнение свое намерение. Во мне уже и тогда жила страсть к пешим путешествиям, — и вот я один в степи, правда недалеко от станции, чтобы иметь

возможность запастись пищей, но все-таки в степи, целый день один и под открытым небом!

А погода, как нарочно, стояла прекрасная. День за днем поднимался все ярче и ярче. И как яркий знойный сон, осталось во мне воспоминание об этих днях. Было начало июня, самое веселое время года. Никогда не бывает таких светлых полдней, никогда не дышит природа такою полнотою счастья и жизнерадостности, как в эту пору; и хорошо мне было идти по горячим, пыльным дорогам, пробираться по межам, утонувшим в неподвижных ржах, овсах, ячменях и пшеницах, где, как от костра, пышет в лицо сухим жаром, душно пахнет степною растительностью — нагретыми цветами и травами, а над головою звенит и звенит воздушная музыка тысячи дискантовых оркестров насекомых, неумолчно воспевающих эту радостную жизнь степного июньского полдня, эти бесконечные дали, млеющие в ослепительном блеске солнца!..

И вот Ваня встретил Варю, молодой поэт встретил юную актрису, прекрасную деву. Он наделил ее всеми лучшими чертами, что почерпнул из всемирной литературы (а Ваня был заядлый читатель), которые он нашел в своем воображении. Ваня и Варя, разница в одной букве, и эта буква — нежная и таинственная «н» у Вани и роковая, рыкающая «р» у Вари, все словно наоборот — в этом союзе двух сердец первое время верховодила старшая, Варя. А роковой была бедность Вани. Дело в том, что Варя происходила из

обеспеченной семьи, батюшка ее даже держал раньше свой театр. Известный врач, имел он неплохой доход — и не хотел, чтобы его дочь связала свою судьбу с нищим поэтом. Нищий поэт этот в душе был почти равен богам: он имел такой талант, что обеспечил ему славу в будущем, да какую славу! Но до будущей славы надо еще добратся, дожить — пройти через пять лет страданий, радости и мытарств. Да, пять лет длилась эта страсть — и вступив в нее восемнадцатилетним юношей, вышел он уже почти зрелым мужчиной, словно закончив университет. Есть ли такой университет страсти — где бы преподавали многие и многие свойства, перипетии страсти? Конечно, есть, и этот университет заканчивает каждый мужчина, кому попадается талантливая, настоящая женщина. Именно такой — талантливой и настоящей, умной и хрупкой оказалась Варвара Пащенко.

Ивану повезло. Он пережил такую любовь, испытал такую страсть, которой хватило надолго, навсегда. Да, всю жизнь потом он вспоминал дорогую Варю свою, грозную и переменчивую Варвару. И будучи уже семидесяти лет от роду, в оккупированной Франции, переживая за любимую Родину свою, далекую Россию, где шла страшная и Великая Отечественная, он вспоминал Варю и написал самые пронзительные рассказы о любви — «Темные аллеи». Те пять лет, тот университет страсти дал Ивану образование на всю жизнь, обжег его сердце, закалил характер и сообщил ему такой опыт, которого хватило навсег-

да. Он стал тем Буниным, которого мы знаем, о котором слышал весь мир, которому — первому из русских писателей — вручена Нобелевская премия по литературе [1]. Но премия — не главное, главное — любовь читателей, признание на родине. Это признание пришло уже вскоре после расставания с Варварой, и пришло оно потому, что Бунин дал страсти слова, научил говорить своих героев так, как никто другой до него не говорил. Емко, образно, лаконично писал Бунин. Писал так «густо», что потом только сокращал, вымарывал... Слишком плотно, говорили одни читатели, а другие восхищались — и вручали премии. Две Пушкинских премии чуть ли не подряд получил Бунин, стал академиком, получил дары от восхищенных читателей...

Вот рассказ «Легкое дыхание», слова, что вложены в уста главной героини:

— Я в одной папиной книге, — у него много старинных смешных книг, — прочла, какая красота должна быть у женщины... Там, понимаешь, столько насказано, что всего не упомнишь: ну, конечно, черные, кипящие смолой глаза, — ей-богу, так и написано: кипящие смолой! — черные, как ночь, ресницы, нежно играющих румянец, тонкий стан, длиннее обыкновенного руки, — понимаешь, длиннее обыкновенного! — маленькая ножка, в меру большая грудь, правильно округленная икра, колена цвета раковины, покатые плечи, — я многое почти наизусть выучила, так все это верно! — но главное, зна-

ешь ли что? — Легкое дыхание! А ведь оно у меня есть, — ты послушай, как я вздыхаю, — ведь правда, есть?

Иван Бунин боготворил Льва Толстого, его художественный дар — с детства. Толстой был для Буниных будто даже родным, свойским, человеком, человеком их круга — с ним встречался отец Бунина в Севастополе, в бытность свою добровольцем («охотником», как тогда их называли), в Крымскую войну. Удивительная эта война, когда на стороне Турции против России воевала Англия и Франция, война, в которой poleg цвет английской аристократии, столкнувшись с мужеством русского мужика... В общем, о войне этой можно многое рассказать. А для семейства Буниных она была особой — там погиб героически дядя писателя, там научился хорошенько выпивать его отец. Но суть не в этом — с Крымской кампании начался новый этап преобразования России, и в этом преображении Бунины оказались вместе с другими дворянами «уходящей натурой». Дети Буниных не хотели уходить — искали новое приложение своим силам. Один из старших братьев Ивана нашел продолжение себя в женитьбе на немке, дочери колонистов, другой — в увлечении социалистическими идеями. Ваня искал их в толстовстве. Вот как Бунин пишет о своем отношении к Толстому:

В отрочестве чувства к Толстому были у меня уже не простые. Отец говорил:

— Я его немного знал. (Во время севастопольской кампании встре-

чал, играл с ним в карты в осажденном Севастополе...) И, помню, я на него смотрел с восторженным удивлением: живого Толстого видел!

С той поры писатели были для меня уже существами какого-то совсем особого рода, к которым я испытывал какое-то непередаваемое чувство, которого я и до сих пор не умею определить, как не умею сказать, как, когда и почему я сам стал писателем. Ответить на это для меня так же невозможно, как на то, с каких пор и как вообще я стал тем, что я есть. Когда же (как-то само собою) решилось, что мне надлежит был только писателем, моей второй жизнью стала жизнь в том мире, где поэты, писатели. Не помню, когда именно начал я читать Толстого и как случилось, что я выделил его из прочих. Бывает, что человек открывает что-нибудь прекрасное и дорогое для него внезапно, с изумлением. Этого со мной по отношению к Толстому не было, такой минуты я не помню. Вообще то прекрасное, что я встречал в детстве, отрочестве, молодости, кажется, никогда не удивляло меня, — напротив, у меня было такое чувство, точно я знал его уже давно, так что мне оставалось только радоваться встрече с ним.

А затем долгие годы я был по-настоящему влюблен в него, в тот мной самим созданный образ, который томил меня мечтой увидеть его наяву. Мечта эта была неотступная, но как я мог тогда осуществить ее? Поехать в Ясную Поляну? Но с

какой стати, с какими глазами? Раз я не выдержал, в один прекрасный летний день внезапно оседлал своего верхового киргиза и закатился на Ефремов, в сторону Ясной Поляны, до которой от нас было не больше ста верст. Но, доскакав до Ефремова, трусил, решил обдумать дело серьезнее, переночевать в Ефремове — и всю ночь не мог заснуть от волнения, от поминутной смены решений, ехать или не ехать, скитался всю ночь по городу и так устал, что, зайдя на рассвете в городской сад, мертвым сном заснул на первой попавшейся скамейке, а проснувшись, и совсем протрезвился, подумал еще немного — и поскакал назад, домой, где работники сказали мне: — Эх, барчук, барчук, и как только ухитрились вы так обработать киргиза за одни сутки; за кем это вы гонялись? После того я напрасно «гонялся» за Толстым еще несколько лет.

В молодости, плененный мечтами о чистой, здоровой и доброй жизни среди природы, собственными трудами, в простой одежде, в братской дружбе не только со всеми бедными и угнетенными людьми, но и со всем растительным и животным миром, главное же опять-таки от влюбленности в Толстого, как художника, я стал толстовцем, — конечно, не без тайной надежды, что это даст мне наконец уже как бы несколько законное право увидеть его и даже, может быть, войти в число людей, приближенных к нему.

Ваня тоже искал продолжение жизни, он не хотел быть «уходящей

натурой»... В один из поворотных моментов жизни, когда любовь к Варе выросла до невероятных высот, состоялся его разговор с отцом Варвары, который поставил вопрос ребром: чем он будет обеспечивать семью? Как поэт без дохода, выходец из обедневших дворян, сможет составить счастье его дочери? Ваня искал решение в толстовстве. Сейчас уже трудно представить, настолько идеи Толстого имели тогда не только власть над умами... Но они меняли образ жизни тысяч людей. Разрыв между образом жизни дворян и людей служивых, с одной стороны, и крестьян в деревне, которые составляли абсолютное большинство в России, с другой, был огромен. Толстой чувствовал, что этот разрыв до добра не доведет. Он писал о необходимости повернуться лицом к народу, зажить с ним единой трудовой и нравственной жизнью. Эта идея близка Ване. Ведь он с детства знал труд мужиков не понаслышке — работал с ними в поле, ходил в ночное, он весь плоть и кровь в той природе, что и они. Ему не надо было как-то специально опрощаться... Он и так прост, аскет и герой — наш Иван! Но Варя, Варя — могла ли она разделить с ним эту жизнь? Ведь она привыкла к состоятельности, к хорошим нарядам, туфелькам... А русское платье, в котором он встретил ее? Русское платье... Ваню терзали сомнения. Отец ее, доктор, сказал, что не даст благословения на этот брак.

И вот они уехали — наперекор отцу, наперекор всем толкам, они живут вместе, как муж и жена в Полтаве. И здесь Ваня начинает чудить. Ему

уже мало Вари, он все чаще покидает ее — в поездках по губернии встречается с толстовцами, ищет выход страсти своей в каких-то игрищах, на гульбищах с селянками. Ване нужна Варя, но не только Варя, ему нужен весь мир — мир поэзии, идей, чувственных наслаждений. А Варя, оставаясь дома, читает того же Толстого, «Семейное счастье» — и подчеркивает на полях какие-то фразы, которые больно ранят потом Ваню. Так и начинается — кто любит, тот ранит, чем сильнее любит, тем сильнее ранит: «Ведь каждый, кто на свете жил, любимых убивал» [2]... Но любовь не хочет отступать, не хочет умирать, она превращается в боль, и не вытерпев этой боли, Варя убегает от Вани, убегает из дома... Вот здесь-то и начинается настоящее испытание Вани — он на волоске от самоубийства, он жутко переживает, он ищет ее повсюду и не находит...

Потом из этой страсти, из этого отчаяния возникнут десятки бунинских рассказов, в которых молодые люди гибнут от любви, идут наперекор ей — или сдаются, все равно, страсть выжигает их сердца и делает невозможной жизнь без страсти. Любовь — это неуправляемая ядерная реакция, цепная, страшная и захватывающая целиком.

У Оки рассыпчатый песок. Здесь гуляют сотни босых ног — наши современники, юные Вани и Вари, Леши и Лики играют здесь в пляжный волейбол. Закаляют характер, влюбляются и расстаются. Носится здесь новое легкое дыхание, извивается тонкий стан «длиннее обыкновенного» очередной юной красавицы, ступает ножка лучшей девочки провинциального русского города, покоряя мужские сердца...

И эти страсти проходят уже не так неистово и страшно, как у Вани и Вари, уже легче, легче, почти без убийств и самоубийств, которыми полны рассказы Бунина. Но все же больно, отчаянно — больно ранит страсть, ранит самолюбие и простая потеря мяча, проигрыш в волейбол, не то что потеря любимого... Кажется, мы начинаем управлять страстью — мало-помалу, с возрастом, при помощи Толстого и Бунина мы начинаем что-то понимать в страсти, любви и семейном счастье. В счастливой семье происходит управляемая ядерная реакция. С третьей своей женой (третьей, считая Варю), Бунин научился управлять счастьем — и прожил всю жизнь, долгую и счастливую. Но по-настоящему страстно любил он только первую — и иногда она приходила к нему во сне...

Примечания:

1. Иван Алексеевич Бунин, первый из русских писателей, был награжден Нобелевской премией по литературе 10 декабря 1933 года «за правдивый артистический талант, с которым он воссоздал в прозе типичный русский характер».
2. «Ведь каждый, кто на свете жил, любимых убивал» — строка Оскара Уайльда из «Баллады Рэдингской тюрьмы».